

КОНСУЛЬСКИЕ СЛУЖБЫ В ДИАСПОРНЫХ ПРОЦЕССАХ НА СЕВЕРНОМ КАВКАЗЕ (ВТОРАЯ ПОЛОВИНА XIX – ПЕРВАЯ ТРЕТЬ XX ВЕКА)

З. В. Канукова
А. Калирад

Наступившая в середине XIX в. стабилизация российско-иранских отношений в значительной степени была связана с эволюцией российской дипломатии и появлением персидских консульств в городах Северного Кавказа. В статье исследована роль консульских служб в диаспорных процессах на примере персидской общины Владикавказа. Кроме своих непосредственных функций, связанных с опекой мигрантов, выдачей паспортов и других разрешительных документов, содействия развитию торговых контактов с Ираном, консульство содействовало формированию общины, облегчало процессы адаптации иранцев к принимающему обществу. Отмечена роль консула Давуд-хана Назарэ, его инициатив, направленных на реализацию основных регулятивных и коммуникационных функций в персидской общине, благодаря которым именно консульство, а не храм, в отличие от других национальных общин, стало центром диаспорной жизни. На основе сравнительного анализа материалов Центрального государственного архива РСО-Алания и Центра документов и истории иранской дипломатии Тегерана выявлены особенности адаптации персидской общины к местной среде. Исследована роль консульства в сохранении этнической идентичности, языка, религии, духовной культуры; определены механизмы трансмиссии традиционных иранских ценностей молодому поколению, к числу которых отнесено, прежде всего, Владикавказское русско-персидское новометодное училище – единственное на Северном Кавказе. Будучи результатом реформирования исламского образования татарским просветителем Исмаил-беем Гаспринским, такое учебное заведение максимально отвечало интересам иранцев, живших в условиях диаспоры, одновременно выполняя две параллельные функции: сохранение этнической идентичности подрастающего поколения иранских мигрантов и воспитание и образование нового российского мусульманина, максимально инкорпорированного в общественно-культурную среду Северного Кавказа и России.

Ключевые слова: Персидская община, консульство, миграции, воспитание и исламское образование, новометодное училище, инокультурное окружение.

В новом витке российско-иранского взаимодействия, направленного на развитие регионального сотрудничества, особое место занимают осетино-иранские отношения. Исследование их истории заметно активизировалось в последние годы, когда впервые ученые Ирана и Северного Кавказа в ходе двух международных форумов получили возможность для обмена научной информацией, знакомства с научным потенциалом и формирования совместных перспективных исследовательских направлений [1; 2].

Среди проблем, вызвавших обоюдный интерес иранских и северокавказских исследователей, – история иранского населения Северного Кавказа, которое стало формироваться в 1870-х гг. в городском пространстве региона. Сложная экономическая ситуация в Иране, вызванная вмешательством иностранного капитала, вытеснением традиционных видов хозяйства, неудачными попытками реформирования, а также извечной проблемой с ирригационными сооружениями, засухой и рядом неурожайных лет, привела к

трудова́й миграции населения. В северокавказских обществах строгий регламент землевладения и землепользования не предполагал участия в нем иностранцев. Поэтому привычные для крестьян земельные занятия были для них малодоступны. Мигранты поселялись в городах, где создавали национальные общины. В конце 1860-х гг. на Северный Кавказ стали прибывать переселенцы из Тавриза (персы, армяне, азербайджанцы) [3, 644].

Настоящая статья посвящена Владикавказской персидской общине, особенностям ее жизнеустройства, роли персидского консульства в процессах адаптации и интеграции в принимающее общество. Сопоставительный анализ источников, отложившихся в Центральном государственном архиве РСО-Алания и персидских материалов, извлеченных из Центра документов и истории иранской дипломатии г. Тегерана показывает, что фиксируя одни и те же события, они существенно дополняют друг друга. Вместе с тем, совершенно очевидно их отличие в части оценочных суждений. В Тегеран уходила информация, которую там ждали, в местную администрацию – отчеты с другими оценками, а в периодическую порой просачивались сведения, противоречащие всем официальным докладам. В совокупности эти источники позволяют составить максимально приближенное к реальности представление о жизни иранского населения во Владикавказе.

Во второй половине XIX в. в этом городе немало национальных общин обустроивали свою жизнь на новом месте, создавая этнокомфортную среду для сохранения идентичности: храмы, благотворительные общества, национальные школы, культурно-просветительские организации. Вместе с тем они искали свои ниши в экономике развивающегося города, способы адаптации к его социальной и культурной жизни. Персы наблюдали за формами жизнеустройства других об-

щин и пытались использовать приемлемые для себя практики.

Трудовая миграция иранцев во Владикавказе первое время была представлена только мужчинами [4, 11], но в последующие годы численность персидской общины увеличилась за счет женского и детского населения. В 1882 г. было зафиксировано 630 мигрантов, а по официальным данным за 1903 г. число переселенцев достигло 2 тыс. человек [5, 566].

В процессах регистрации и обустройства переселенцев из Ирана, в поддержании дипломатических и торговых контактов между Россией и Персией важную роль играли консульские службы. Консулы опекали подданных своего государства, выдавали и продлевали паспорта с переводом на русский язык и т.д. Первое время эти функции в отношении прибывших во Владикавказ персов выполняли Генеральное Консульство Его Величества Шаха Персидского в г. Тифлисе и Консульство Его Величества Шаха Персидского в г. Астрахани. Главное Управление Наместника Кавказа обязывало начальство Терской области соблюдать порядок пребывания и перемещения персидско-подданных, которые должны были иметь национальные паспорта и билеты на свободное пребывание. В 1860-х гг. такие паспорта и другие необходимые документы для иранских мигрантов Владикавказа выдавались Персидским консулом в Астрахани [6, 6-7]. Установлено, что в период с 1886 по 1890 гг. билеты и свидетельства на жительство и передвижения, национальные паспорта, различные прошения персидско-подданных, проживающих в Терской области, стали полем деятельности Генерального Консульства Его Величества Шаха Персидского в Тифлисе [7, 61, 62, 66-68об, 82, 85, 98].

Многими вопросами обустройства мигрантов, например, назначением старосты общины, занималась и Диплома-

тическая канцелярия Наместника Кавказского [8].

В конце XIX – начале XX в. персы стали приезжать во Владикавказ целыми семьями, о чем свидетельствуют сохранившиеся в архивах «водворительные свидетельства», выдаваемые для всех членов семьи [9, 43].

В конце 1890-х гг. увеличение численности персидского населения предопределило необходимость создания Консульства Его Императорского Величества Шаха Персидского Терской и Дагестанской областей с местом пребывания в г. Владикавказе. Первым вице-консулом стал Яхья-хан.

В российских источниках не сохранилась точная дата основания консульства, а в иранских обозначен 1897 г. (1321 год хиджры по мусульманскому календарю). Также известно, что после смерти Яхья-хана в сентябре 1901 г. посол Ирана в Петербурге Мирза Ахсан Хан и консул Ирана в Тифлисе Мирежар-хан (Незем аль-Молик) решили назначить Вице-консулом Его Императорского Величества Шаха Персидского в Терской и Дагестанской областях Мирзу Давуд-хана Назарэ.

Иранские источники проливают свет на биографию этого человека. Родился он в 1877 г. в Тбилиси. В 1893 г. был принят на службу в Министерство иностранных дел Ирана. Давуд-хан был сотрудником Посольства Ирана в Петербурге до 1898 г., затем был отозван в Баку, а в 1900 г. возглавил Генеральное консульство Ирана в Тифлисе. Уже через год он занял место Яхья-Хана.

Согласно иранским источникам, Давуд-Хан дважды занимал эту должность: с 1901 по 1909 гг., а второй раз – во время Гражданской войны в России в 1919-1920 гг. [10].

Столь внушительный послужной список объясняет успешность проводимой консулом политики и в целом интеграции персидской общины в северокавказ-

ские сообщества. Давуд-хан был женат на представительнице знатного осетинского рода Азе Тугановой [11]. Он установил личные контакты и добрые отношения с администрацией городов, с главами национальных и религиозных общин. Консул также тесно взаимодействовал со всем исламским духовенством региона, особенно с шиитскими муфтиями. Эти связи действительно позволяли ему играть большую роль в адаптации иранцев к экономике и социально-культурной жизни городов Северного Кавказа.

Давуд-Хан оставил очень ценный по информативности источник «Обзор деятельности на Кавказе», где содержатся его доклады и отчеты, позволяющие составить более полное представление о жизнедеятельности персидской общины, о взаимодействии персидского консульства с кавказской администрацией и в целом о российско-иранских отношениях в обозначенный период. Источник хранится в Тегеране, впервые введен в научный оборот Али Калирадом, который изучил и перевел документы персидского консульства во Владикавказе за период с 1897 по 1920 гг.

Нас прежде всего интересует представленная в нем информация о персидской общине Владикавказа и других городов региона, оценка экономического и культурного состояния городов, а также сведения о политической ситуации в первой четверти XX в. и судьбе общины после установления советской власти. Например, в российских источниках нет описания событий Гражданской войны во Владикавказе, которые Давуд-Хан передает в таких терминах, как «ужас», «сумасшествие», «бегство», и сообщает о своих усилиях по спасению иранских граждан, по организации их выселения с российских территорий.

Персидская община отличалась пестротой своего сословно-социального состава, включавшего крестьян, ремес-

ленников, разорившуюся знать, крупных торговцев, владельцев кирпичных заводов, рабочих – строителей, сапожников, пекарей, мелких торговцев [12], искусных «терщиков» и парикмахеров знаменитых персидских бань, водовозов [13, 5].

В адаптации иранцев к городской экономике и культуре, к новому образу жизни консул также играл заметную роль. Например, содействуя успешной продаже персидских сладостей и фруктов, он добился разрешения установить на Александровском проспекте – центральной улице города – деревянные киоски с каменными цоколями – по два на каждом пересечении бульвара; а в районе городского базара, в самой многолюдной части города – открыть персидские чайные. Стараниями консула был основан и Персидский двор с тканями и коврами – ярким символом персидской культуры.

По инициативе Давуд-хана в 1907 г. было основано Общество пособия бедным персидско-подданным в городе Владикавказ и Терской области «Химмат». Уставная деятельность Общества предусматривала оказание помощи малоимущим иранцам, обеспечение их жильем, предметами первой необходимости, питанием и деньгами. Важным видом благотворительной помощи был поиск работы для мигрантов, как правило, в сфере торговли или организации производства ремесленной продукции, приобретение для работы необходимых материалов и инструментов, а также содействие реализации изготовленных изделий [14, 8]. Общество обеспечивало малоимущих персиян «без различия пола, возраста, звания, состояния». Общество «Химмат» гарантировало обеспечение больных медицинскими пособиями, «оплату лечения в больницах, содействие в погребении умерших, определение престарелых и немощных в богадельни, дома призрения, малолетних – в сиротские дома, приюты, убежища, в ремесленные и учебные за-

ведения» [14, 1-4]. Желающие вернуться на родину также могли рассчитывать на помощь благотворителей. Кроме взносов, бюджет общества включал доходы от организации литературных чтений, лекций и концертов.

Однако успешная адаптация к городской экономике была не единственной задачей консулов. Они заботились о сохранении этнической и конфессиональной идентичности, поэтому по примеру других диаспорных групп хотели построить свой храм – шиитскую мечеть. Впервые этот вопрос был поставлен перед администрацией Терской области сразу после основания консульства во Владикавказе. Начало этому вопросу положил еще консул Яхья-хан, о чем свидетельствует письмо его жены министру иностранных дел [10, s. 1319, К6, Рел, sh 24]. Консул Яхья-хан обращался с ходатайством в 1868 г. к начальнику Терской области графу М. Т. Лорис-Меликову и Владикавказскому городскому голове Е. Ф. Лебедеву о выделении участка городской земли и разрешении построить не нем шиитскую мечеть. Как следует из «Обращения Вице-Консула Его Императорского Величества Шаха Персидского в Терской и Дагестанской областях Яхья-хана на имя Начальника Терской области Наказного Атамана Терской области Сергея Евлампиевича Толстого», датированного 8 февраля 1900 г., не ранее 1870 г. начальником Терской области графом Лорис-Меликовым было дано разрешение на строительство мечети [15, 8]. Данный факт подтверждается и другими архивными документами, в которых городской голова А. Ф. Фролков указывал, что это было сделано по распоряжению Лорис-Меликова в 1868-1869 гг. [5, 567]

Шиитская мечеть была построена, персы получили возможность «на своем родном языке молиться Богу», но жизнь показала, что это было не самой главной причиной строительства мечети. Персы

были не только и не столько конфессиональной сообществом, сколько этнической общиной. Поэтому, оказавшись в одном приходе с другими шиитами, а именно иноязычными азербайджанцами, и к тому под руководством муллы – русско-подданного азербайджанца Гаджи Мулла Исмаил Гасан-оглы, они стали протестовать против такого устройства духовной жизни [4, 6]. Персы отстаивали свои права как основатели и попечители мечети, к тому же составлявшие большинство прихода: по своей численности они превосходили азербайджанцев в несколько раз. Своей законной привилегией персы считали право на выбор муллы-перса, способного проводить молитвы на родном языке. Они перестали платить деньги на содержании муллы и поставили вопрос о строительстве другой мечети. Сложившаяся ситуация показывает однозначный приоритет этнического общения перед религиозными требованиями. В исламском вероучении разночтения между толками, которые исповедовали персы и азербайджанцы, настолько незначительны и понятны лишь узкому кругу посвященных лиц, что не могли стать причиной раскола. Но стремление персов проводить досуг в мечети, общаться на родном языке и решать жизненные вопросы в своем кругу привело их к решению о строительстве новой мечети или устройстве нового прихода.

Консул Давуд-хан поддерживал общинников, понимая, что в таких условиях мечеть не станет средством сохранения этнической идентичности и обеспечения социализации молодого поколения персов в традиционной парадигме.

Стараниями Давуд-хана во Владикавказе было открыто единственное на Северном Кавказе русско-персидское училище. В июле 1902 г. он ходатайствовал перед начальником Терской области и наказным атаманом Терского казачье-

го войска, в котором выражал озабоченность отсутствием условий для обучения персидских детей, просил разрешения открыть русско-персидскую школу при Вице-консульстве и брал на себя ответственность за ее содержание [16, 3].

Основание училища «Навруз» в 1903 г. стало одной из самых значимых инициатив Давуд-хана. Правильно понимая проблему социализации молодого поколения иранцев в условиях инокультурного окружения, трансмиссии традиционной духовной культуры, а также поддерживая стремление иранцев сохранить исламскую веру и передать ее своим детям, Давуд-хан вместе с тем осознавал особенности жизни в условиях диаспоры. Создание «инородческих» национально-культурных обществ, национальных школ и просветительских организаций становилось сложным: местному по делам об обществах и союзах Присутствию было предписано проверять всех на предмет угрозы общественному спокойствию и безопасности, усугубления национальной обособленности.

Поэтому для образования и воспитания иранских детей консул сделал выбор в пользу новометодной школы, организованной по принципу, предложенному в то время известным татарским просветителем Исмаил-бей Гаспринским. По тегеранским источникам, наряду с историей ислама, шариатом и фарси в новометодном училище изучали русский, французский, арабский, фарси, азербайджанский, математику, геометрию, географию, «торговую науку», законодательство и спорт [10]. В российских источниках перечень светских предметов ограничен арифметикой, историей, географией и русским языком [16, 7]. Оба источника указывают, что Давуд-хан стал почетным смотрителем училища.

Возраст учащихся, исключительно мужского пола, был установлен от 8 до 15 лет. В первый год после открытия учи-

лица решено было принять на обучение 30 человек. Численный состав служащих был определен в пять человек, среди них тегеранский источник называет первого почетного директора, кассира Али Акбар Наги Хомени. Российские источники сохранили имя заведующего русско-персидского училища «Навруз», учителя Багадина-Бахиш-бека Кочарлинского, сведения об его образовании, служебных перемещениях [16, 8].

Инициативу Давуд-хана поддержали посол Ирана в Петербурге, министр иностранных дел, многие крупные чиновники. Иранские газеты сообщали о торжественном открытии училища во Владикавказе, благодарили Давуд-хана за стремление сохранить персидский язык, шиитскую веру и культуру, воспитать молодое поколение в соответствии с традицией, не дать ему ассимилироваться на чужбине и «стать европейцами». Старейшины иранских общин призывали соотечественников всего Северного Кавказа отправлять детей в училище «Навруз» [10].

Отметим, что новометодные школы, программа которых наряду с исламским богослужением включала светские предметы, не находила поддержки среди духовенства российских мусульман и с трудом прокладывала себе дорогу. Поэтому восторженные отклики из Ирана, а также безоговорочная поддержка «Навруза» на Северном Кавказе связаны с личностью и авторитетом самого Давуд-хана, его умением правильно ставить и решать вопросы. Для Ирана он – радетьель за сохранение языка и культуры, для России – человек, готовый к реформированию исламского образования и воспитанию нового гражданина, российского мусульманина.

В «Наврузе» обучались только дети мужского пола. Преподавание велось на русском и персидском языках. Давуд-хан был почетным смотрителем училища,

контролировал финансовое обеспечение его жизнедеятельности. Он установил невысокую плату за обучение и содержание детей в училище, что создавало определенное преимущество в сравнении с европейскими и российскими школами; для поддержки малоимущих учеников консул привлекал благотворителей. Российские источники не дают возможности проследить дальнейшую судьбу русско-персидского училища, в периодической печати за 1915 г. указывалось, что училище не набирает нужного числа учеников, и после Давуд-хана его деятельность заметно ухудшилась. Мы полагали, что тяжелый 1919 год, когда значительное число персов покинуло Россию, стал последним в истории «Навруза».

Однако в иранских источниках сохранилось письмо персидского консула, направленное в Отдел просвещения города Владикавказ 1 апреля 1927 г., написанное на русском языке, из которого мы узнаем, что русско-персидское училище-школа продолжало функционировать под новым названием «советско-персидская школа Навруз» (рис. 1). В письме консул передавал властям озабоченность своих соотечественников тем, что изучение персидского языка стало не обязательным. Он напоминал, что школа существует более 20 лет, и преподавание родного языка всегда было обязательной школьной дисциплиной. Консул также ссылаясь на существующий в СССР закон о праве всех народов страны изучать в школах национальный язык и выражал надежду на то, что персы, проживающие во вверенном ему Консульском районе, не станут исключением и не встретят со стороны городской администрации препятствий для изучения родного языка. Примечательно, что письмо написано на бланке персидского вице-консульства в Терском округе и Дагестанской ССР [10, s. 1321, K9, с. 1.1].

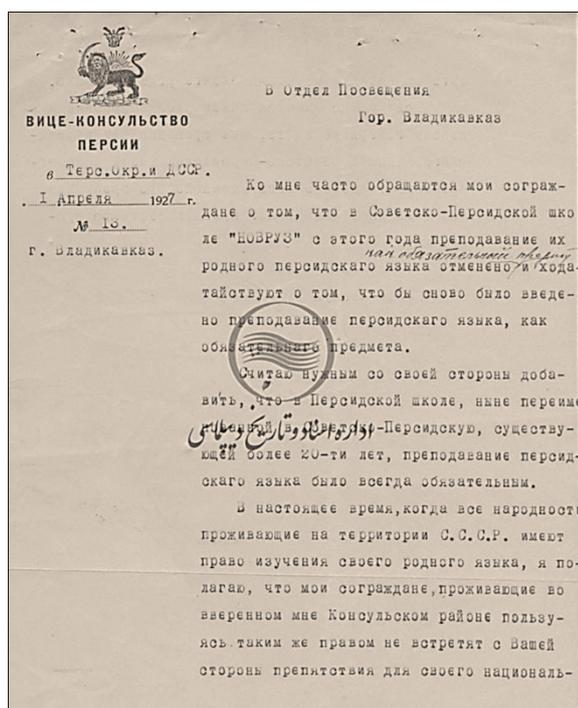

Рис. 1. Письмо персидского консула в Отдел просвещения г. Владикавказа, 1 апреля 1927 г.

Сохранение и манифестация этнической идентичности проявлялась в разных формах, в том числе в ярких зрелищных акциях, религиозных и светских национальных праздниках, связанных с историей государства. Если шиитские праздники не выходили за пределы конфессиональной общности, то государственные исторические праздники отмечали с размахом. День Коронации Султан-Ахмед-шаха – правителя Персии, День дарованных свобод отмечали торжественным намазом, официальными приемами, общественными пиршествами, которое устраивало консульство.

Консул Давуд-хан рассматривал эти праздничные акции и как способ налаживания добрых отношений с окружающим миром. На праздники приглашались представители всего многонационального города, администрации, Владикавказского общественного управления, Владикавказского студенческого общества, различных общественных организаций. Для бедных горожан также были пред-

усмотрены праздничные сюрпризы в виде раздачи традиционных сладостей и щербета.

Празднование дней «дарования» конституции, коронации персидских правителей и других свидетельствуют о наличии тесных контактов персов с исторической родиной, что является классическим признаком диаспоры.

Активная предпринимательская деятельность персов предопределила широкие контакты с местным населением. Они интегрировались в атмосферу веротерпимости, установившуюся во Владикавказе, вступали не только в торгово-хозяйственные контакты, но и заключали браки с местным населением. Давуд-хан личным примером и всей своей дипломатической деятельностью заслужил имя «символа космополитического и мирного Владикавказа» [10, s. 1323, К. 7]. В персидских источниках особо прослеживается роль Давуд-хана во время беспорядков 1905, затем 1919 гг., когда он приложил большие усилия по защите иранского населения от грабежей, преследований часто меняющихся политических режимов, эпидемий и прочих бедствий.

Созданные консульством и успешно действовавшие мечеть, русско-персидское училище, благотворительное общество, множество торговых и ремесленных организаций способствовали сплочению общины, сохранению национальной культуры и идентичности, активному и мирному общению с многоэтническим окружением, заботились о материальном и социальном благополучии общинников, передавали этнокультурные ценности молодому поколению.

Изучение деятельности Персидского консульства и в целом персидского населения Владикавказа позволяет сделать вывод о том, что консульство, выполнявшее кроме своих непосредственных задач регулятивную и коммуникативную функции, содействовало как сохранности этно-

культурной идентичности, так и успешной интеграции в принимающее общество.

Опыт совместной работы с иранскими учеными, привлечение иранских источников и их сравнительно-сопоставительный

анализ представляются перспективным направлением, реализация которого является единственной возможностью исследования реальной истории персидского населения на Северном Кавказе.

1. Иран и Северный Кавказ: история и перспективы сотрудничества: Материалы международной научно-практической конференции. (Владикавказ, 12-13 декабря 2017 г.). Владикавказ, 2018.

2. Abstracts of the Second Symposium on Iran & North Caucasus of Russian Federation, 2019.

3. Азербайджанцы. (Серия «Народы и культуры»). М., 2017.

4. Центральный государственный архив Республики Северная Осетия-Алания (ЦГА РСО-А). Ф. 11. Оп. 17. Д. 98.

5. Канукова З. В., Туаева Б. В. Персидская община во Владикавказе: механизмы сохранения этнической идентичности в инокультурной среде // Вестник российского университета дружбы народов. Серия: История России. 2019. Т. 18. № 3. С. 560-588.

6. ЦГА РСО-А. Ф. 12. Оп. 1. Д. 839.

7. ЦГА РСО-А. Ф. 12. Оп. 7. Д. 491

8. ЦГА РСО-А. Ф. 12. Оп. 1. Д. 766, целиком.

9. ЦГА РСО-А. Ф. 11. Оп. 15. Д. 887.

10. دیوان محاکمات در وزارت خارجه مسئول رسیدگی به دعاوی اتباع ایران علیه اتباع بیگانه و بالعکس بود. (Центр документов по истории иранской дипломатии (ESTAKCH))

11. ЦГА РСО-А. Ф. 574. Оп. 1 (ОДФ). № 314.

12. Первая Всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г. Терская область. СПб., 1905. Т. 68.

13. Терские ведомости. 1896. № 5.

14. ЦГА РСО-А. Ф. 199. Оп. 1. Д. 3.

15. ЦГА РСО-А. Ф. 147. Оп. 1. Д. 41.

16. ЦГА РСО-А. Ф. 123. Оп. 2. Д. 538.

Kanukova, Zalina V. – V.I. Abaev North Ossetian institute for Humanitarian and Social Studies of the Vladikavkaz Scientific Centre of RAS (Vladikavkaz, Russia); z.kanukova@mail.ru

Kalirad, Ali – University of Tehran (Tehran, Iran); ali.kalirad@gmail.com

CONSULAR SERVICES IN DIASPORA PROCESSES IN THE NORTH CAUCASUS (SECOND HALF OF THE XIXth – THE FIRST THIRD OF THE XXth CENTURY).

Keywords: *Persian community, consulate, migration, upbringing and Islamic education, new method school, exo-cultural environment.*

Stabilization of Russian-Iranian relations in the middle of the XIXth century was largely associated with the evolution of Russian diplomacy and the emergence of Persian consulates in the cities of the North Caucasus. The article explores the role of consular services in diaspora processes using the Persian community of Vladikavkaz as an example. In addition to its direct functions related to

the custody of migrants, issuing passports and other permits, facilitating the development of trade contacts with Iran, the consulate promoted the formation of the community, facilitated the process of adaptation of the Iranians in the host community. The article emphasizes the role of the consul Dawood Khan Nazare, his initiatives aimed at implementing the basic regulatory and communication functions in the Persian community, due to which the consulate, and not the temple, unlike in other national communities, became the center of diaspora life. Based on the comparative analysis of the materials of the Central State Archive of North Ossetia-Alania and the Centre for Documents and the History of Iranian Diplomacy of Tehran, the features of the adaptation of the Persian community to the local environment are revealed. The role of the consulate in preserving ethnic identity, language, religion, and spiritual culture is investigated. The mechanisms of transmitting the traditional Iranian values to the younger generation are identified, which include, in the first place, the Vladikavkaz Russian-Persian new method school, the only one in the North Caucasus. This educational institution resulted from the reform of Islamic education by the Tatar enlightener Ismail Bey Gasprinsky and was in the best interests of the Iranians living in the diaspora, it was fulfilling two parallel functions: preserving the ethnic identity of the younger generation of the Iranian migrants and educating a new Russian Muslim who could be best incorporated into the public cultural environment of the North Caucasus and Russia.

REFERENCES

1. *Iran i Severnyi Kavkaz: istoriya i perspektivy sotrudnichestva: Materialy Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii (Vladikavkaz, 12-13 dekabrya 2017 g.)* [Iran and the North Caucasus: history and prospects for cooperation. Proceedings of the International Scientific-Practical Conference (Vladikavkaz, December 12-13, 2017)]. Vladikavkaz, North Ossetian State University, 2018. 124 p.
2. Abstracts of the Second Symposium on Iran & North Caucasus of Russian Federation, 2019.
3. *Azerbaidzhantsy. (Seriya «Narody i kultury»)* [Azeris. (Peoples and Cultures series)]. Moscow, Nauka, 2017.
4. *Tsentr'nyi gosudarstvennyi arkhiv Respubliki Severnaya Osetiya-Alaniya (TsGA RSO-A)* [Central State Archives of the Republic of North Ossetia-Alania (CSA RNO-A)]. Fund 11. Inventory 17. Case 98.
5. Kanukova, Z. V., Tuaeveva, B. V. *Persidskaya obshchina vo Vladikavkaze: mekhanizmy sokhraneniya etnicheskoi identichnosti v inokul'turnoi srede* [The Persian community in Vladikavkaz: preserving ethnic identity in an alien cultural environment]. *Vestnik Rossiiskogo universiteta druzhby narodov. Seriya: Istoriya Rossii* [RUDN Journal of Russian History]. 2019, vol. 18, no. 3, pp. 560-588.
6. TsGA RSO-A [CSA RNO-A]. Fund 12. Inventory 1. Case 839.
7. TsGA RSO-A [CSA RNO-A]. Fund 12. Inventory 7. Case 491.
8. TsGA RSO-A [CSA RNO-A]. Fund 12. Inventory 1. Case 766, entire.
9. TsGA RSO-A [CSA RNO-A]. Fund 11. Inventory 15. Case 887.
10. *Tsentr dokumentov po istorii iranskoi diplomatii* [Centre for Documents on the History of Iranian Diplomacy (ESTAKCH)]. S. 1319, K6, p1, Sh. 7.
11. TsGA RSO-A [CSA RNO-A]. Fund 574. Inventory 1 (ODF). No. 314.
12. *Pervaya Vseobshchaya perepis' naseleniya Rossiiskoi imperii 1897 g. Terskaya oblast'* [The first general census of the Russian Empire. Terskaya oblast']. St. Petersburg, 1905, vol. 68.
13. *Terskiye vedomosti* [Terek statements]. 1896, no. 5.
14. TsGA RSO-A [CSA RNO-A]. Fund 199. Inventory 1. Case 3.
15. TsGA RSO-A [CSA RNO-A]. Fund 147. Inventory 1. Case 41.
16. TsGA RSO-A [CSA RNO-A]. Fund 123. Inventory 2. Case 538.